

Перед Сюй Таем стояла маленькая девочка. Её волосы, подобные черному шелку, ниспадали на плечи, брови были тонкими, словно лунный серп, а в белых одеяниях она казалась сошедшим с небес божеством. Однако в глазах её застыла такая пронзительная печаль, что сердце сжималось от боли. Её пальцы были тонкими и нежными, как молодые побеги тростника, кожа — белее топленого сала, шея подобна личинке древооточца, а зубы ровные и белые, как зерна дыни. Красивая головка, изящные брови, милая улыбка и сияющий взгляд — слова из Ши-цзин подходили ей как нельзя лучше.

— Ты кто такая? — уперев руки в бока, спросил Сюй Тай.

Тринадцатилетний Сюй Тай был еще сущим ребенком, но уже обладал яркой внешностью: копна растрепанных волос, звездный блеск в глазах и гордый изгиб бровей вызывали невольную симпатию. Его кожа была гладкой, как у очищенного яйца, большие глаза то и дело вспыхивали, словно живые, а маленькие алые губы на фоне бледного лица казались еще ярче. На щеках при улыбке проступали ямочки.

При виде такой девочки Сюй Тай растерялся, и его бледные щеки мгновенно залил румянец.

— Это я должна тебя спрашивать! Я по доброте душевной хотела с тобой подружиться, а ты в ответ вцепился мне в руку? Это у тебя такой подарок на первую встречу?

Девочка жалобно посмотрела на след от укуса на своей ладони и протянула руку к Сюй Таю.

— Смотри! — она понюхала свою нежную, белую кожу и скорчила гримасу. — Прямо как в поговорке: не оценил доброго человека, как собака, что набросилась на Люй Дунбиня!

Сюй Тай почесал затылок и виновато улыбнулся:

— Прости, я ведь тогда... — он принялся объясняться, корча такие рожи, что сам стал похож на сказителя из балагана.

Девочка лишь презрительно фыркнула:

— Думаешь, я поверю?

Нужно сказать, что в искусстве перемены настроения с этой девочкой не мог сравниться никто в мире. Только что она смотрела на Сюй Тая холодно и отстраненно, но, заметив его раскаяние, тут же сменила гнев на милость. Она словно впервые его увидела и протянула руку:

— Цзян Мэнци, двоюродная сестра Синькэ.

— А я Сюй Тай. Постой, та Синькэ, о которой ты говоришь, это не... — Сюй Тай с ужасом

посмотрел на лицо, изображенное на поминальном портрете.

— Почему ты так смотришь на мою сестру? — Цзян Мэнци явно рассердилась. Откуда было знать неопытному мальчишке, что творится в девичьей душе? Он не понял, чем снова ее обидел, даже когда она расплакалась. — Ты понятия не имеешь, как больно терять близких!

— Эй, Мэнци, я... я не нарочно, — робко пробормотал Сюй Тай. — Я ведь никогда не терял близких, поэтому и не понимаю твоей боли. Мои дедушка и бабушка умерли еще до моего рождения, я даже не успел по ним погоревать.

— Ты! Ты бессердечный!

— Я правда не хотел! — Сюй Тай заметался, не зная, как утешить плачущую девочку. Он беспомощно смотрел, как Мэнци убегает, прячется за спины родителей и тихо рыдает. Он лишь чесал затылок: — Я? В чем я виноват?

Снаружи грохотали петарды, звуки которых напоминали крики грешных душ, не сумевших вырваться из лап ада. Достигнув предела, они срывались на истошный вопль и с грохотом падали на холодный бетон. Траурная музыка лилась бесконечной волной.

Двое детей нашли своих близких и, заткнув уши, спрятались за их спинами. Гроб, туго перетянутый веревками, подняли высоко вверх. Сюй Тай, продолжая зажимать уши, невольно обернулся и увидел поднимаемую крышку.

Его глаза расширились от ужаса, он повалился на землю. Внутри гроба лежало тело, но оно было... оно двигалось! На девочке была надета кожа, словно одежда, и, судя по всему, ей было в ней ужасно неудобно. На лице покойницы играла злая улыбка, в которой не осталось ничего от былой невинности. Она не была похожа на ту юную девушку, чье чистое лицо он видел ранее. Она извивалась, разрывая и сгрызая эту оболочку, к которой еще прилипали куски плоти. Мерзкие личинки впивались в мясо, не желая отпускать добычу. Жирное тело продолжало подергиваться. Казалось, девочка смакует свою кожу: сначала терлась ею о лицо, а потом, обнажив окровавленные зубы, принялась жадно ее пожирать.

— К чему эта оболочка! Вы все живете, скрываясь под масками кожи! Все живые в этом мире — лишь злые духи под людским обличем! — Синькэ указала пальцем на Сюй Тая. — И ты тоже! Паразит, живущий в чужой шкуре! Зверь, готовый на все ради выгоды! Я заставлю вас заплатить! Вы все сдохнете в мучениях!

Сюй Тай оцепенел от страха, к тому же он обязан был сохранять мужское достоинство перед Цзян Мэнци.

Всю дорогу он не отходил от матери, прячась за ее спиной. Если бы здесь был отец, Сюй Тань, он бы ни за что не показал своей слабости. В глазах сына отец был великим человеком, хотя Сюй Тай и не понимал до конца, почему все вокруг считают его столь выдающейся фигурой, и

лишь краем уха слышал о Шести вратах.

В этот момент Цзян Мэнци снова подкралась сзади и хлопнула его по плечу. Сюй Тай взвизгнул, как девчонка, и прохожие тут же уставились на него.

— Ты чего, трусишка? — Мэнци расхохоталась.

— Я... пф, я не собираюсь с тобой связываться, я просто играл в прятки, — Сюй Тай попытался изобразить невозмутимость.

— С кем? Я тоже хочу! — Мэнци загорелась любопытством и начала оглядываться.

— Тсс, я играю с призраком. Не мешай, он за твоей спиной прячется! — Сюй Тай сделал серьезное лицо и пристально посмотрел на Мэнци.

Та занервничала, ее живые глаза забегали, как у воришки, она испуганно обернулась.

— А! — Сюй Тай выскочил из-за ее спины, застав врасплох. — Мэнци, ты попалась! Теперь знаешь, какой я ловкий?

Дети, перебраниваясь, поднялись по ступенькам в машину. Сюй Тай обернулся, его сердце все еще бешено колотилось. Он знал, что никто ему не поверит, и любые объяснения будут пустой тратой времени. Он тихо вздохнул.

Эта история была лишь началом, буря только разгоралась.

Сюй Тай сидел в машине, считая мелькающие за окном кусты, которые казались такими далекими, но стоило протянуть руку — и они уже рядом.

— Сюй Тай...

— Кто здесь! — голос преследовал его, кто-то постоянно звал его по имени.

— Сюй Тай...

Это был пронзительный женский голос. Жуткие всхлипывания доносились отовсюду, но источника звука не было видно. Сюй Тай почувствовал, как по щеке потекло что-то липкое и красное. Его сердце раскачивалось, как маятник.

Он медленно поднял взгляд к потолку машины и увидел силуэт трупа. Верхняя часть тела свисала вниз, а ноги были неестественно вывернуты и прилипли к обивке, слегка покачиваясь

от вибрации автомобиля. Из пустых глазниц сочилась кровь, оставляя на его коже кровавые дорожки, которые, казалось, разъедали саму плоть. Призрак кокетливо и хитро улыбнулся Сюй Таю и указал пальцем на то место, где сидела Цзян Мэнци.

Волосы Сюй Тая встали дыбом, лоб покрылся холодным потом, в глазах потемнело. Неведомый страх сковал его, дыхание перехватило.

— Ты... почему ты преследуешь меня!

Призрак лишь улыбался в ответ.

— Что? Кто тебя преследует? — госпожа У с недоумением посмотрела на сына.

Сюй Тай, вжав голову в плечи, дрожащим пальцем указал на потолок:

— Она! Она все время за нами ходит!

Все посмотрели туда, куда указывал мальчик, но потолок был чист. Однако госпожа У заметила нечто странное: на том месте осталась едва заметная влажная отметина. Она нахмурилась и, применив какой-то скрытый прием, заставила призрака отступить.

— Нет здесь никаких призраков, Тай-эр. Посмотри еще раз?

Сюй Тай робко поднял голову — призрак исчез.

— Мама! Я правда видел! Она все время идет за похоронной процессией! Она только что назвала мое имя! И указывала на Мэнци!

Цзян Мэнци вздрогнула, прижалась к отцу и громко воскликнула:

— Ты врешь!

— Нет, правда! — Сюй Тай пытался отстоять свою правоту, описывая все в красках.

Сердце Мэнци забилося, как пойманный кролик, лицо побледнело. В ее глазах читался не столько страх перед призраком, сколько испуг человека, совершившего что-то дурное.

Госпожа У почувствовала, что здесь кроется какая-то тайна, и строго спросила Мэнци:

— Мэнци, почему призрак указывал именно на тебя?

Отец девочки, защищая ее, крепко обнял дочь и с презрением посмотрел на Сюй Тая и его мать:

— Пф, госпожа У, это детские игры, зачем вы в них вмешиваетесь?

— Господин Цзян, мне кажется, это не просто игры... Возможно, это как-то связано со смертью Синькэ?

Услышав имя Цзян Синькэ, отец Мэнци занервничал, задохнулся от возмущения и выпалил:

— Вы! Госпожа У! При детях такое говорить! Советую не бросаться беспочвенными обвинениями, иначе накличете на себя беду!

— Господин Цзян, смерть Синькэ была слишком внезапной. Мой сын Сюй Тай с рождения обладает духовным зрением, видеть духов для него обычное дело. Мы все принадлежим к Шести вратам, к чему эти уловки? Что на самом деле произошло в семье Цзян — мы не смеем спрашивать, но за убийство придется платить...

— Довольно! Слушать бред мальчишки и обвинять меня в убийстве? — отец Мэнци в ярости хотел броситься на них, схватив дочку за руку.

— Полегче, полегче.

Его удержали, и он, тяжело дыша, опустился на сиденье.

Сюй Тай про себя ворчал: будь здесь отец, никто бы не посмел так себя вести. Он закрыл собой мать, готовый в любой момент проучить этого наглого взрослого.

— Советую вам быть добрее.

Госпожа У усадила Сюй Тая обратно, успокоила его и слегка коснулась пальцем точки между его бровей. Словно нажали на кнопку, и картинка перед глазами Сюй Тая размылась.

Истина была уже близко, но стоило протянуть руку, как он провалился в еще более глубокую тьму. Сюй Тай уснул, положив голову на колени матери. Ему почудился тихий, едва слышный вздох. Если бы он открыл глаза, то увидел бы, сколько боли и противоречивых чувств в глазах матери, смотрящей на него. Но он не открыл.

В машине воцарилась тишина. Взрослые погрузились в свои мысли, Сюй Тай спал, а Цзян Мэнци, подавленная гнетущей атмосферой, молчала. Машина продолжала свой путь.

Люди устроены так: теряя что-то, они бросаются в погоню, но лишь отдаляются еще сильнее; лелея мечты, они тянутся к ним, но чувствуют лишь бесконечную безнадежность...

Разве не так, господа?

<http://bllate.org/book/22324/2338159>